

возможных отношений собственности, в силу естественного хода вещей, принадлежит только одному субъекту (автору), ситуация на рынке интеллектуальных продуктов может быть охарактеризована как простая монополия. В тоже время, учитывая специфику нашего объекта отношений, который может представлять потенциальный экономический интерес, как для широкого круга потребителей, так и носить ярко выраженный «узконаправленный» характер. В первом случае мы должны вести речь о «чистой» монополии (один производитель и несколько потребителей), а во втором – о билатеральной монополии (один производитель и один потребитель).

При этом роль государства состоит в создании труднопреодолимых барьеров в виде такого правового института как исключительное право, что значительно препятствует появлению на рынке интеллектуальных продуктов потенциальных конкурентов. А наличие у отдельных субъектов-правообладателей охранных документов (патентов, свидетельств, лицензий) позволяет потреблять интеллектуальный продукт сравнительно долго, с высокими издержками и с еще более высокими доходами.

ЭКСПОЛЯРНАЯ ЭКОНОМИКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ И РАМКИ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ

Подгайский А. Л., ИЭ НАН Беларуси

Одной из актуальных задач экономической науки является определение сущности социально-экономического порядка, утвердившегося на постсоветском пространстве. Без решения проблемы социально-экономической самоидентификации новые государственные формирования не смогут проводить взвешенную и эффективную экономическую политику, они обречены на эклектику мер и "зигзаги" на пути к призрачным целям. Попытки решить эту проблему на основе неоклассических схем не увенчались успехом. Неоклассическая доктрина проявила свою эвристическую ограниченность, неспособность корректно интерпретировать сложные процессы, происходящие в экономике постсоветских и развивающихся стран.

Назрела необходимость более глубокого осмысления сущностных характеристик современной экономики, выяснения ее сложной природы, несводимой к мономерному изображению. Экономические реалии любой страны во многом уникальны; в хозяйственной жизни присутствуют системные образования, которые не вписываются в учебные схемы функционирования экономики. Реальная экономическая система является полиструктурной и многофункциональной. Ее функционирование требует

наличия развитой институциональной инфраструктуры, которая является результатом длительного исторического процесса.

Осознание этих моментов способствовало смещению исследовательской активности в русло институционализма, "реабилитации" политической экономии, а также интенсивному восприятию экономической теорией достижений смежных социальных дисциплин. Важным результатом отмеченных процессов являются обогащение категориального аппарата экономической науки, разработка и внедрение в научный оборот новых понятий. Среди новых "приобретений" экономической теории заметное место принадлежит категории "эксплоярная экономика". Наряду с понятиями "периферийная экономика", "маргинальная экономика", "экономика выживания" она вошла в экономическую науку, "переживает" процесс адаптации, интегрируется в систему категорий.

Введение новых категорий явилось реакцией ученых на парадоксальный (для 70-80-х годов XX века) феномен социально-экономической действительности. Было замечено, что страны, располагающие более сложными и разнородными социально-экономическими структурами, несводимыми к логике «чистого» капитализма или социализма, демонстрировали хорошую экономическую динамику и нередко обеспечивали человеку более комфортные условия существования, чем логически выдержанные образцы. "Неправильные" модели зачастую оказывались «социальнее» и экологичнее «чистых» систем и в целом проявили характеристики, позволяющие предполагать высокую степень их жизнеспособности. Уровень жизни в социалистических Венгрии и Польше был выше, чем в СССР. Скандинавские страны, мало уступая США по уровню экономического развития, достигли больших успехов в области социальной защиты населения. Весьма "пестрые" в социально-экономическом плане страны Азии по темпам экономического роста опережали лидеров мировых систем.

Это противоречило господствующим в экономической науке традициям, предопределяющим готовность воспринимать социально-экономический порядок как нечто моноструктурное, относительно однородное. Любые экономические явления, в том числе, и хозяйственные формы, несоответствующие логике работы доминирующих структур, рассматривались как несущественные. Их проявление представлялось как "шумовой фон", затеняющий ритмику "настоящей экономики". Если же логика исследования вынуждала теоретиков учитывать присутствие таких образований в экономике, то они определялись как "периферийная экономика", "маргинальные формы хозяйства" и т. п.

Данные понятийные фиксации были призваны обозначить "идеологически неопределенные" хозяйственные структуры, находящихся

на "периферии" экономической системы, "на обочине" магистрального пути социально-экономического прогресса. В рамках господствующих подходов такие образования интерпретировались как социально-экономические рудименты. Этот статус лишал маргинальные формы "права" на самостоятельную динамику и историческую перспективу. Их специфика объяснялась консервативностью и силой социальной инерции. Выживание этих форм было увязано с той временной пользой, которую из них извлекали доминирующие хозяйственные структуры. Считалось, что в конечном счете маргинальные образования подлежат ассимиляции индустриально-рыночным (индустриально-плановым) центром, будут преобразованы по его "образу и подобию".

Действительность отклонилась от намеченного теоретиками пути: центральные экономические структуры не смогли полностью колонизировать периферийные хозяйственные уклады. Маргинальные формы хозяйства проявили жизнеспособность и тенденцию к экспансии. Осмысление этих социально-экономических реалий стало возможным в контексте изменения основополагающих парадигм социального знания, на базе достижений фундаментальных исследований в области социальных наук. Речь, прежде всего, идет о "ренессансе" цивилизационного подхода, становлении синергетики как науки.

Ключевым моментом нового подхода в социальных исследованиях является положение о нелинейном и вариативном характере общественного развития. Истоки такого понимания исторического процесса восходят к трудам Н.Я. Данилевского – создателя теории "культурно-исторических типов". Смысл прогресса в рамках этой традиции заключается не в нарастающем универсализме исторического процесса и его направленности на утверждение единого оптимального порядка в социуме, а в умножении разнообразия социальных форм бытия, их сосуществовании, в позитивных результатах взаимодействия. Этот подход, отрицающий идею универсальной историчности и представляющий социальное разнообразие как позитив, соответствует выводам и логике синергетического осмысления социального бытия.

Синергетика, как наука о самоорганизации систем, представляет исторический процесс в аспекте неравномерной, дискретной динамики. Не отрицая закономерностей в социальном процессе, она по иному определяет статус случайности, значения отдельного факта, события. Если в периоды устойчивого состояния систем доминирует детерминизм, то созидательная роль случайности в истории резко возрастает в периоды бифуркационного перелома, когда рождаются (становятся господствующими) новые структуры, осуществляется выбор пути дальнейшего развития. Богатство выбора пути определяется структурным многообразием внутри системы, наличием множества центров неоднородности. Именно этот момент

обуславливает адаптивные возможности системы и, как следствие, ее жизнеспособность.

Разнообразие системообразующих связей и множественность центров разнородности определяет антиэнтропийный потенциал системы, позволяющий включиться механизмам реорганизации при деградации доминирующей в системе структуры. Результатом преодоления точки бифуркации является рождение нового социального порядка. Заново формируются структуры, составляющие "центр" системы: утверждаются доминирующие социальные институты, в том числе, и формы организации хозяйства, меняется социальная иерархия, приобретают популярность новые идеи и т.п. Прежние социальные "лидеры" вытесняются на периферию системы и подвергаются существенной деформации. Однако синергетика рассматривает это господство как проходящее, в контексте циклического чередования режимов рождения и сохранения порядка, а также предполагает наличие в системе зон, недоступных для контроля и экспансии со стороны доминирующего центра. Синергетический подход в принципе отвергает возможность утверждения в мире единого оптимального порядка в социуме, и, тем более, неискаженного воплощения в жизнь умопостижаемой модели социального бытия. В управлении социальными процессами субъекту отводится довольно скромная роль – он должен не столько изменять действительность, сколько "вживаться" в нее, улавливать тенденции развития социальных реалий и адаптироваться к ним.

Новые методологические подходы меняют традиционное восприятие неоднородности в социально-экономической системе. Взаимодействие разнородных структур в системе приобретает более сложный вид. Оно несводимо к тотальному утверждению доминирующих структур в поле относительной однородности, в хаосе элементов ("обломков") прежнего порядка. Взаимодействие доминирующего центра с периферийными структурами носит характер межсистемного метаболизма. Несмотря на всю неравнозначность сторон это взаимодействие системных образований. Для выражения активного, относительно самостоятельного статуса периферийных социально-экономических образований была предложена категория "эксполярная экономика".

Введение данного понятия в активный научный оборот инициировано английским историком и социологом (специалистом по истории аграрного производства) Т. Шаниным. Категория "эксполярной экономики" несет в себе несколько содержательных аспектов, пояснение которых нуждается в кратком этимологическом экскурсе. Под полюсом понимается: во-первых, предел, граница, крайняя точка чего-либо; во-вторых, нечто, диаметрально противоположное другому; и, наконец, центр, место сосредоточения какой-либо деятельности, силы и т.п.

Исходный смысловой аспект категории "эксполярная экономика" обусловлен "историческим происхождением" термина. Именно историки впервые использовали это понятие, подразумевая под эксполярной экономикой *архаичные формы хозяйствования за пределами города* (полиса), который был сосредоточием государственности и рыночных отношений. Второй аспект трактовки категории был обусловлен актуальной проблематикой XX века. Он связывает эксполярность с *экономическими образованиями, расположенными вне двух полюсов – капиталистического рынка и социалистического планового хозяйства*^{*}. В рамках национального хозяйства речь идет о существовании форм хозяйствования вне шкалы "государство и рынок (большой бизнес)"; о наличии "ниш" хозяйственной жизни, сохраняющих известную автономию от доминирующих в экономике структур. К подобным образованиям Т. Шанин относит: семейное хозяйство, мелкое товарное производство, "вторую" и теневую экономику.

Наконец, нам представляется возможным выделить еще один содержательный план категории. На наш взгляд, категорию эксполярной экономики можно использовать для выражения многообразных *форм хозяйственной жизни вне центров экономической и политической мощи*, в которых сосредоточены все "достижения" современной цивилизации, сконцентрированы богатство и власть. Такая расширительная трактовка эксполярной экономики трансформирует категорию в достаточно фундаментальное и общее понятие, применимое на мега- и макроуровнях. Оно позволяет корректно интерпретировать социально-экономическое разнообразие в мировой экономике и отдельных странах, исследовать проблемы исторической динамики социально-экономических систем.

При данном подходе эксполярная экономика (помимо указанных форм "параллельной" хозяйственной жизни) включает в себя целые отрасли производства – анклавов предшествующих хозяйственных эпох. Это традиционные промыслы, сельское хозяйство; с закатом индустриальной цивилизации признаки эксполярности приобретают старые отрасли индустрии. Возможен и формационный план фиксации "эксполярных зон", рассматривающий любые социально-экономические отношения в потенциале как исторически непреходящие. Речь идет о том, что, несмотря на общественный прогресс и смену доминант, рабовладельческие и феодальные отношения не исчезают полностью. Они сохраняются в социально-экономической действительности в виде "спящих почек", способных раскрыться в условиях востребованности со стороны доминирующих структур. Наконец, понятие эксполярной экономики включает в себя всю "мирохозяйственную периферию" Ф. Броделя.

^{*} Такое понимание эксполярности присуще Т. Шанину.

В целом эксполлярную экономику можно определить как категорию, отражающую присутствие в экономической жизни образований (укладов), которые по принципам функционирования и логике развития существенно отличаются от доминирующих в экономике структур. Такие образования хоть и подвержены влиянию "индустриально-рыночного центра" современной экономики, но сохраняют свои системные свойства. Они обладают значительной автономией, потенциалом и закономерностями развития; способны оказывать большое влияние на внешнюю среду.

На всех уровнях хозяйства существуют "зоны" экономической активности, которые вечно сопутствуют доминирующим структурам, но остаются для них зонами относительной недоступности. Организация хозяйственной жизни в этих сферах носит преимущественно неформальный и персонифицированный характер. Им присущи специфические регулятивы, особые способы воздействия на поведение хозяйствующих субъектов. Эксполлярные сферы экономики демонстрируют значительную гибкость в использовании трудовых ресурсов. Деятельность в рамках подобных форм не имеет однозначной ориентации на прибыль (официальную карьеру), ее цели имеют более широкий, социальный контекст. Логiku хозяйственной жизни во многом определяют нормы первичных сообществ (семьи, клана, общины и др.). Во взаимодействии с доминирующими структурами такие образования сохраняют свою целостность, внутреннюю упорядоченность, способность к самоорганизации и саморегулированию.

Таким образом, категория эксполлярной экономики представляется весьма ценным "приобретением" экономической теории. Она лишена заведомо негативного оттенка, присущего понятиям маргинальной (периферийной) экономики. Если последние предполагают характеристику периферии с позиции доминирующего центра, то категория эксполлярной экономики смещает аналитическую позицию на "поле" социально-экономической периферии. В первом случае понятийный аппарат характеризует "экономику прозябания", во втором – "экономику выживания". Эти методологические аспекты имеют существенные следствия, которые особенно важны для субъектов, оказавшихся в "зоне" периферии. Новый взгляд на социально-экономическую действительность позволяет им выработать стратегию выживания, определить рамки приемлемой трансформации, отработать механизмы социальной мимикрии.